

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ

– ...Ну а я ему говорю: а не пойти бы тебе на хутор бабочек ловить? Ну он и пошёл. Дверью саданул так, что чуть косяк не вынес. – Алина допила кофе и уставилась на донышко пустой чашки, словно искала розгадку в кофейной гуще.

– И что? – спросила Ленка.

– Вернётся. Не в первый раз. Отдохнёт от меня с какой-нибудь шалавой, а через недельку, а то и раньше, обратно. Милая-хорошая, люблю-куплю, давай начнём всё сначала... Ладно, не он такой первый, не он такой последний. Лен, сама понимаешь, постоянные отношения, какие-никакие, они всем нужны. Вот паршиво, что Прага наша обломалась. А теперь мне одной ехать как-то не в кайф. Ленок, может, ты составишь компанию? Мы на выхи собирались, ещё успеем и билеты заказать, и отель. Если у тебя шенген открыт...

– В другой раз, – улыбнулась коллега. – Мы со Славкой как раз в эти дни на Купалу едем.

– Иван Купала в июле вообще-то... – заметила Алина.

– Не-ет, Алин, это совсем не то. Праздник Купала отмечается в самую короткую ночь, когда солнце на зиму поворачивает. Это в конце июня.

– Впервые слышу. И кто же его так отмечает?

– Родноверы.

– Род... кто?

– Язычники. Ну, мы себя родноверами называем.

Алина воззрилась на собеседницу. Ленка – язычница? От этого словечка веяло чем-то сказочным, но перед ней сидела обычная современ-

ная девушка. Не совсем обычная, как выяснилось. Фигасе, день открытий... Но тут она вспомнила, что в послепасхальный понедельник Ленка деликатно, но твёрдо отказывалась от христовоскресных поцелуев, что на шее у неё вместо крестика, иконки или знака зодиака висела странная плетёнка. Ещё она вспомнила, что, когда начальница филиала Алла Викторовна, исключительно воцерковлённая дама, пускалась в «божественные» рассуждения, Ленка не участвовала в разговорах, только слушала вполуха и саркастически ухмылялась. Пару раз Ленка, когда звонила по телефону, произносила что-то странное – «Здравия, Велемире» или вроде того.

М-да, вот так работаешь с человеком полтора года, вас считают подругами, а тут, оказывается, ни фига его – то есть её – не знаешь...

– Слушай, если не придумала, куда податься – поехали с нами, – просто предложила Ленка. – В наш джип целый взвод поместится. Твои пятьдесят кило он и не заметит.

– Э-э... Да я вообще-то... Нет, спасибо, конечно, это всё, наверное, дико интересно, но... Лен, я ж не знаю ничего, как там у вас!

– Ой, я тебя умоляю! Это же не экзамен и не внешний аудит! Это праздник воссоединения с матушкой-природой. Для нас, детей асфальта, жизненно необходимый. Сама это почувствуешь.

– Искусительница, блин... А ничего, что я как бы православная? Это допускается?

(«Как бы православная, да. Последний раз на пасхальной службе была три года назад, а к исповеди не ходила со школы. Себе-то не ври, подруга: ты суеверная городская атеистка, как большинство...»)

– Не бойся, тебя не заставят приносить кровавые жертвы и участвовать в оргиях!.. – ухмыльнулась Ленка.

* * *

Разговор случился во вторник, а вечером в четверг обеих встретил возле офиса джип хищной камуфляжной расцветки. За рулём был Вячеслав – муж Ленки, рослый светлородый парень, похожий на кормщика Ивана Рябова из фильма «Россия молодая». Он оказался добродушным и общительным, и вскоре они болтали как старые друзья, в то время как джип пожирал километры пригородного шоссе.

Праздник современных язычников проходил на большом лугу, на берегу реки. Миновав КПП охраны, Вячеслав загнал джип на стоянку, вытащил из багажника рюкзак и спортивную сумку, навьючился поклажей и двинулся по протоптанной тропинке в ту сторону, где виднелись разномастные горбики палаток. Девушкам досталось нести почти невесомые тючки со спальными мешками.

Навстречу попадались люди в диковинной одежде: кто в камуфляже, кто в вышитых рубахах, точно из этнографического музея или со съёмок фильма фэнтези. С некоторыми Вячеслав и Ленка здоровались как с давними приятелями – ну да, они же не первый год сюда ездят, многих знают...

Выбрав место, они втроём поставили палатку, в которой вполне могли разместиться человек пять. Затем Вячеслав отправился за дровами, а девушки – по воду. После того как лагерь был устроен, Вячеслав и Ленка ненадолго скрылись в палатке и через пару минут вышли полностью преобразёнными. Ленка щеголяла в богато вышитой рубахе и длинной клетчатой юбке: такая юбка, как она объяснила, называлась

«понёва». Волосы были покрыты красной косынкой; возле висков свисали витые кольца. На Вячеславе была чёрная льняная рубашка с красной вышивкой, кожаная безрукавка и тёмно-синие шаровары, заправленные в сапоги. С пояса свисала кожаная сумка и нож в ножнах.

– Круто, ребята! – искренне воскликнула Алина.

– Нравится? Давай завтра сходим на торжок, подберём и тебе одежду, – предложила Ленка.

– М-м... нет. Спасибо, конечно... Пока не надо... Я подумаю, ладно? А что, вот так вот, как я, нельзя? – она показала на себя. На ней были джинсы, футболка и кроссовки.

– Да можно, конечно. Это же не церковь, куда без платочка не пускают. Тут народ одевается кто во что горазд. Но лучше, конечно, обрядовый наряд. Сама поймёшь.

* * *

...Алина сидела на кочке, скрестив ноги, грызла травинку и ждала чуда.

Нет, ей, конечно, всё это нравилось. Нравилась бивуачная жизнь, тем более что по-настоящему трудную часть обустройства взяли на себя опытные походники Ленка и Слава. Её развлекала пёстрая толпа празднующих. Некоторые подобрали костюм тщательно, со вкусом и со знанием дела, глядя на них, можно было подумать, будто это не наши современники, переодетые на праздник, а всамделишные древние варяги и вятичи. Правда, поначалу её немного напрягало, что у всех мужиков и парней, и даже у некоторых девчонок, на поясах висят ножи. Но Ленка, которая в своём фэнтезийном костюме стала Радмилой (и ей это шло, даже Алина раз-другой назвала её так, вызвав одобрительную полуулыбку), успокоила. Нож, объяснила она, это деталь национального костюма, и не только у хачей, но и у всех народов, у древних славян в том числе, а поножовщины здесь не бывает, потому что люди собираются адекватные, а пьянство запрещено. Алина подумала и сама прикупила себе небольшой изящный ножик, который гордо подвесила на пояс.

Она раз двадцать прошлась по пёстрой ярмарке и стгоряча накупила тьму-тьмущую забавных вещиц, большинство которых совершенно не знала, куда приспособить. Ну вот зачем ей череп козла с выжженным на лбу косым крестом, посвящённый богине смерти Маре? Зачем ей окованный серебром кубок из бычьего рога? Зачем ей белорусский варган-дрымба? Заслушалась, как на нём играл продавец – в его руках варган пел и разговаривал, а она с непривычки чуть не отбила эмаль с зубов. Но вот купила, не нести же теперь обратно!.. Хотя да, серебряный перстенёк с головой волка – это симпатично. И душистое рукodelьное мыло, которого она набрала на пробу сортов десять, пригодится. И пачка сушёного иван-чая, который, как заверяла сухонькая немолодая травница, только что мёртвых не поднимает. Ей пришлось по вкусу фруктовое печенье, которым торговала румяная светловолосая девушка, и шипучий напиток, который словоохотливый бородастый толстяк называл «зайцеквас». Он оказался гораздо вкуснее и – как бы сказать? – живее синтетической газировки, которую продают в магазинах и имеют наглость называть «квасом». Алина сперва попробовала стаканчик, потом купила полторалитровую бутылку, а через некоторое время опустошила ещё две – одну за другой.

– Смотри, не переборщи, а то крышку сорвёт или днище выбьет! – подшутила Ленка-Радмила, видя, как она поглощает «зайцеквас».

– Всё под контролем! – пробулькала Алина, не отрываясь от горлышка.

Она смотрела, как играют в лапту и в горелки, но сама глупо застенялась, когда её позвали. Зато они с Ленкой до одури накачались на огромных качелях из брёвен и цепей, которые субботним утром соорудили мужики. А потом они вместе с другими девушками крутили из веток и травы обрядовое чучело: получился плетёный человек трёхметрового роста и с инструментом любви длиной в руку. Это было дико и непристойно, но ужасно забавно.

Ей понравилось ходить без обуви, хотя обычно даже на песчаном пляже она торопилась влезть в шлёпанцы, разуваясь только для «погружения». Но Ленка шлёпала босиком, да и не она одна, а потому Алина, чтобы хоть как-то соответствовать духу праздника (обрядовую одежду она так и не решилась купить), решительно скинула кроссовки. Поначалу было колко с непривычки, но Алина держалась и через час-другой обнаружила, что ходить, ощущая ступнёй поверхность земли, удобно и приятно. А битого стекла и торчащей из земли арматуры тут не водится.

Да, всё было замечательно. Но хотелось чего-то небывалого, неопи-суемого, невозможного. Хотелось чуда.

Что-то подобное она испытала в вечер с пятницы на субботу. Они втроём возвращались к себе в лагерь из гостей – у музыкантов, друзей Вячеслава, собралось человек двадцать, сидели вокруг костра и пели старинные песни под аккомпанемент гуслей, бубна и инструмента вроде скрипки. Песни совсем не были похожи на «русское-народное-блатное-хороводное», и звучали они как-то... по-настоящему. Наверное, потому, что люди пели их не для зрителей, не для конкурсной комиссии, а для себя. Алина даже пожалела, что больше половины этих песен вообще не знала.

Темнело, от реки напал туман, который смешивался с дымом костров. В нескольких шагах человек превращался в тень, неотличимую от дерева или куста. Было весело и жутковато – как будто обычный луг, заставленный самыми обычными палатками, исчез и они очутились в сказочной стране.

Неожиданно впереди послышался грохот и дикие завывания.

– Что это? – удивилась Алина.

– Сейчас увидишь! – ответила Ленка.

И она увидела. Из темноты и тумана надвинулись жуткие фигуры – горбатые, косматые, рогатые, с оскаленными мордами. Они размахивали факелами и кривыми посохами, подпрыгивали, орали песни дурными голосами. У двоих вокруг поясов были подвешены горшки, которые при каждом прыжке издавали грохот. Существа заплясали вокруг них, и самый здоровое, с самыми длинными рогами, шлёпнуло её ниже спины своим посохом, после чего ватага, гогоча, повалила дальше.

Это были скоморохи. На следующий день Алина видела их проход по ярмарке, где они чудили на потеху народу. Но в тот вечер в первый момент она ощутила сладкую жуть.

И субботним вечером, когда после обрядов, суть которых Алина толком не поняла, запалили пятиметровой высоты костёр и толпа понеслась вокруг него, ей показалось, что привычная действительность тает, как лёд, уступая место чему-то другому. Гудящее пламя, топот сотен ног,

ритмичные крики, рёв волюнок и грохот бубнов, бег по кругу, мелькание темноты и света рождали чувство нереальности происходящего. Это продолжалось недолго. Потом хоровод стал распадаться, одни собирались кучками и затеяли игры, другие просто рассаживались поодаль, глядя на гигантский костёр. Ленка с мужем где-то затерялись, но Алина решила их не искать – встретятся в лагере. Она пошла без дороги вглубь луга, потом ей надоело идти, и она уселась на кочку.

...Травинка, выбившаяся из венка, царапала кожу за ухом. Она сняла венок и обломала надоедливую соломинку. Хм, не расплётся! С шести лет не занималась этим, и надо же – за полтора десятка лет руки не забыли, как скручивать податливые стебли. Соорудила не венок, а венец – пышный, крепкий, красивый.

Сидеть надоело, она поднялась и пошла – всё так же без дороги. Её так закружили в пляске, что она уже не разбирала, куда идёт – к лагерю или к кострищу, где парни спалили плетёного человека (она хихикнула, вспоминая комедию, которую разыграли скоморохи, когда хоронили их непристойную креатуру), или к лесу (самое время поискать цветущий папоротник, ага-ага).

Можно сказать, шла куда глаза глядят, но рассмотреть что-либо в тумане было трудно.

Внезапно туман стал особенно густым и холодным, земля под ногами пошла вниз, и Алина поняла, что вышла к реке. На противоположной стороне к реке сплошной чёрной стеной подступал лес.

Алина постояла на берегу, усмехнулась непонятно чему и стала стягивать джинсы.

Она никогда не купалась голой (в сознательном возрасте). И никогда не купалась ночью. Честно говоря, побаивалась. Но сейчас все страхи и сомнения куда-то улетучились. Дрожа от холода и хлопая комаров, которые оценили прелесть обнажённого женского тела, она ступила в реку. После студёной росы речная вода показалась тёплой. Алина постояла по колена в воде, потом вернулась на берег и плотнее нахлобучила на голову венок. С венком на голове, пожимаясь от холода и втягивая воздух сквозь зубы, она снова вошла в реку.

Река была неширокой и неглубокой – только на самой середине ей пришлось проплыть несколько метров.

Цепляясь за пучки осоки, Алина выбралась на крутой бережок. Вокруг не было ни души. Тишину нарушал только шелест воды. Сюда не доносились песни, звучащие возле костра, и сам костёр был не виден – должно быть, его заслоняло какое-то дерево.

Вспомнилось: в сказках для того, чтобы попасть в другой мир, нужно пересечь реку. «Ну вот, я и в волшебной стране! – усмехнулась Алина. – Добро пожаловать!» Она поправила венок, составлявший всю её одежду, и углубилась в лес. Он оказался вовсе не таким уж густым и непролазным, как казалось с того берега. Алина шла меж редкими соснами по ковру из мягкого мха и с удовольствием отметила, что не чувствует холода. То есть прохладно, но не до зубовного стука. И кусачие насекомые летуны не донимают. Может, вправду в сказку попала? Ох, Алина Степановна, в вашем возрасте пора быть серьёзнее! Ага, особенно когда гуляешь нагишом по ночному лесу!..

Лес неожиданно кончился. Обходя куст лещины, Алина вышла на круглую поляну.

На поляне, в траве по пояс и в облаках подсвеченного луной тумана, кипела буйная пляска. Два десятка плясунов – уже знакомые Алине

скоморохи в костюмах троллей, оборотней и чертей, обнажённые девушки в венках – то кружились в хороводе, то распадались по парам, то, схватившись за руки, неслись вереницей вдоль поляны. В середине поляны рос куст, и от него слышалась заводная музыка, похожая на птичий щебет.

«Ага. Вечеринка для избранных! Это я удачно... заплыла!» – подумала Алина, а между тем ноги уже несли её навстречу веренице танцоров. Те, словно ждали её, разомкнули руки. Её левое запястье обхватила широкая ладонь мохнатого оборотня в волчьей маске, правую ладошку стиснула худенькая гибкая девушка с разметавшимися волосами до пояса. Музыка ударила с новой силой, словно приветствуя новую участницу праздника, и вереница понеслась вскачь вокруг поляны.

Добежав до одинокой берёзы, танцоры резко свернули к середине поляны, возглавлявший вереницу скоморох с длинными рогами – уж не тот ли, который вчера приласкал её посохом по мягкому месту? – подал руку совсем молоденькой девчонке, замыкавшей строй, и они закружились в бешеном хороводе.

Потом, будто по сигналу, все рассыпались по парам. Скоморох, наряженный оборотнем, подхватил Алину.

Она взяла его за руки...

...и вдруг заметила, что у него не по пять, а по четыре пальца на руках! И таких грубых пальцев не бывает у людей – даже у тех, кто всю жизнь машет ломом, топором и лопатой.

И глаза. Они не прячутся в прорезях маски, а смотрят на неё со звериной морды. И ноздри и уши у неё шевелятся по-живому. Её партнёр усмехнулся, словно прочитал её мысли – из разинутой пасти её обдало горячее смрадное дыхание хищника.

(«Это не скоморохи!»)

Оборотень поднял руку, заставив её провернуться вокруг своей оси, и легко толкнул в сторону, в объятия стройной грудастой девчонки...

...с оранжевыми глазами, чёрными вертикальными зрачками и длинным раздвоенным языком, которым она игриво провела по шее взвизгнувшей от неожиданности Алины.

А потом их обеих подхватил под руки лесной дух, с ног до головы покрытый длиной шерстью и напоминающий ходячую копну, бычьими рогами, совиными глазами навывкате, длинным горбатым носом и игривым оскалом.

(«Это не скоморохи! Это настоящие лесные гоблины... и я среди них! Нет. Это сон. Проснуться! Проснуться!!! Проснуться?»)

Рогатый и мохнатый лесовик обхватил обеих девиц вокруг пояса, подпрыгнул и, к ужасу и восторгу Алины, перемахнул через «музыкальный» куст. Алина зажмурилась, но за мгновение успела увидеть, что на ветках куста сидит бесчисленное множество птиц. Там были и соловьи, и какие-то неизвестные ей ночные пичуги, и совы, и сычи. Их щебетание, пiski и вопли складывались в небывалую мелодию.

Мохнатый гoblin прокрутился на месте, не выпуская девушек из объятий, а потом танцоры снова сцепились кольцом.

(«Проснуться? А зачем?»)

Ужас нахлынул на неё и тотчас растворился в новых, небывалых ощущениях. Алина скакала вместе со всеми, наслаждаясь собственной силой и ловкостью, и хохотала от нахлынувшего чувства свободы от всего. От условностей, сомнений, страхов, обязанностей, неисполнимых желаний, бессодержательных раздумий. Она казалась самой себе

прекрасной и опасной ночной нежитью. Вроде мохноногого рогатого чёрта по левую руку от неё или изящной девицы напротив... с синезелёной кожей и когтистыми пальцами...

Хоровод остановился, потому что музыка стихла, и на середину вышел новый участник праздника. Это был рослый парень, бородатый и длинноволосый, полностью обнажённый: мышцы прирождённого бойца так и играли на его теле. Его волосы увивал венчик, который, казалось, растёт из его головы – как и ветвистые рога, напоминающие корону.

Рогатый хозяин оглядел хоровод, зверовато пошевелил ноздрями, и вдруг Алина заметила, что он смотрит прямо на неё. Сердце оборвалось от ужаса и счастья, и она со всех ног бросилась к Нему, избравшему её.

Их глаза и руки встретились. Хозяин качнул рогами, птицы засвистели новую песню, и пляска понеслась вновь.

Алина плохо помнила, что было дальше. Осталось ощущение полёта, чувство бесконечного восторга, ужаса и освобождение, медовый дурман, источаемый травами, и память о зове, на который она радостно откликнулась. Потом всё смешалось...

* * *

...и она проснулась в палатке, как и накануне утром, потому что солнце нагрело её стены и внутри стало жарко.

Голова покруживалась, как после дружеской посиделки средней интенсивности, а тело ломило, словно накануне она в охотку покачалась в спортзале.

Алина сообразила, где она находится, зачем она здесь, а потом фыркнула и тряхнула головой. Надо же такому присниться!

– Неплохо меня вштырило от вашего зайцекваса. Надо будет рецепт узнать, – пробормотала она, вылезла из спального мешка и, пошатываясь, выбралась из палатки.

Ленка с мужем сидели за складным столиком и ели салат.

– Доброго времени суток, ребята... – поприветствовала их Алина, сладко потягиваясь. – А что вы так на меня смотрите?

– Ай, блин! – завопила она в следующую секунду и присела, закрывшись руками. Потому что поняла, что вылезла на свет божий совершенно голая.

Она шарахнулась обратно в палатку и первое, что сделала – застегнула клапан. Затем принялась лихорадочно искать свои шмотки. Поиски были безрезультатны, не помогло даже воззвание к родящей силе Великой Матери (это Ленка вчера рассказала, что матерщина – искажённые языческие заклятия, призванные отпугнуть злых духов и помочь в трудных начинаниях). Поэтому Алина беззастенчиво раскулачила Вячеслава и натянула на себя его футболку.

– Всё в порядке? – спросила Ленка, когда она снова вышла из палатки – в эротичном мини, но по крайней мере не в чём мать родила.

– Отлично, – ответила Алина. – А вы как?

– Тоже. Гуляли народом до рассвета, вот сами недавно встали, – сказал Вячеслав.

– «Гуляли», ага! Ты знаешь, что этот человек устроил? – Ленка с притворным возмущением показала на мужа. – Там прыгали через костёр, а он подхватил меня на руки и сиганул. А пламя – в рост человека. Я от страха чуть... чуть не окочурилась там! Мужу тридцатник скоро, а ведёт себя как...

– Ну, как кто?

– Да ну тебя! – фыркнула Ленка. – Кстати, Алин, ты не хочешь в своё переодеться?

– Да? А где оно? Я всю палатку перерыла...

– Ну, если ты всю палатку перерыла, то теперь трудновато будет найти. Вообще-то мы твои вещи принесли и на твоей половине сложили.

Алина выдала неразборчивое междометие, снова скрылась в палатке и через минуту появилась, одетая в джинсы и футболку. Нашёлся даже привявший веночек, которым она не преминула украсить разлохматившуюся шевелюру.

– А где вы это нашли? – спросила она.

– Не мы. Это ребята утром пошли купаться и нашли. Ты так больше людей не пугай! – говорила Ленка. – Лежат штаны и футболка на бережку, вокруг никого. Через час пришли – лежат всё там же. Что тут можно подумать? Уже хотели дно обшаривать, но тут Славка рядом оказался. Он и сказал, что это твои вещи, а ты спишь в нашей палатке сном невинности. Кажется, кое-кто очень хорошо отметил Купалу.

– Да офигенно просто! – Алина улыбнулась. – Спасибо, что вывезли!

* * *

Две недели спустя:

– ...Да, Ленка, представь, объявился наконец! Позвонил вчера. Говорит, долго думал и теперь хочет... как он сказал?.. не то стабилизировать, не то урегулировать наши отношения...

– А ты?

– А я применила заклинание из вашей магии плодородия. Говорю – устрями свой путь к источнику жизни!

– Это значит... Ха-ха-ха!

– Ну да, я ему попроще сказала, он бы так не догадался! Лен, понимаешь, постоянные отношения – это, конечно, хорошо. Но ведь не с кем попало!

* * *

Ещё две недели спустя:

– Две полоски! Твою мать!!

ДОМ НА ВОЛЧЬИХ ВЫСЕЛКАХ

Как только Егор вошёл в квартиру, Полина уже поняла: её ждёт приятный сюрприз. Муж так и светился изнутри, точно проглотил кусок радия.

– Угадай! – сказал он, обнимая её.

– Тебя с этого года назначили директором? – спросила Полина. Егор делал карьеру на ниве народного образования: начал подрабатывать школьным учителем истории ещё на четвёртом курсе, а после защиты диплома устроился на полную ставку да ещё и вёл краеведческий кружок. Неудивительно, что через пять лет после окончания вуза он стал завучем по воспитательной работе и сейчас прицеливался на директорское кресло.

– Это – вопрос времени, Полли. Не угадала. Ещё две попытки.

– Ну-у... не знаю... Выиграл миллион в лотерею?

Егор досадливо поморщился. Супруга была всем хороша... вот только оригинальностью мышления не отличалась.

– Опять не угадала.

– Сдаюсь. – Полли вывернулась из объятий и притворно надула губки.

– Рано сдаёшься. Ну? Напряги свою прелестную головку. О чём мы говорили зимой?

– Неужели купил дачу? – Полина затаила дыхание.

– Да.

Хранительница очага с визгом кинулась ему на шею.

– А где? Где купил? Нормальное место, нет? Далеко ехать? – трещала она, когда первая волна восторга её попустила.

– В Левенёвке. Щас покажу.

Егор развернул перед женой гугл-карту на планшете.

– Вот здесь. Это вообще-то село, но настоящих деревенских там почти не осталось, только в двух-трёх домах. Остальные – дачники.

– Почти сто километров. Далеко вообще-то, – вздохнула Полина.

– Зато ни шума, ни пыли, природа не загажена. Там в селе и магазин есть, по сути, маленький универмаг, в котором можно купить всё.

– А дорога подъездная как, нормальная? – спросила Полина.

– Дорога так себе, грунтовка. Потому и участки идут за копейки.

Дом с пятнадцатью сотками за сто тысяч – это копейки, Полли, поверь мне! А как только положат асфальт, там земля сразу подорожает раз в пять! И за неё ещё будет драчка! Там ведь места – пальчики оближешь! Смотри: вот, в полукилометре – река, и не какая-то там речка-вонючка воробью по колено, а нормальная река, по ней катера ходят. Вот лес... по нему можно пятнадцать километров напрямик прошагать, а до леса от села – пара километров. А вот, смотри, озеро... нет, вру, не настоя-

щее озеро, водохранилище, но это неважно. Вон, острова на нём – целый архипелаг, а вот на этом острове – старая усадьба... Полли, я туда своих кружковских вытащу, будем устраивать походы с палатками, с байдарками... Слушай, я же могу завести свой молодёжный лагерь! А что? Договорюсь с администрацией, будет не хуже Селигера! Чуешь, чем пахнет?

– А ты там был? – спросила Полина. – Всё-таки карта – это карта, а если сам не видел...

– Был, – кивнул Егор.

* * *

Егор слукавил. Он не был Левенёвке и, говоря про лес, реку, магазин и дорогу, пересказывал то, что слышал от продавца участка. Который, он, кстати, ещё не купил, а только дал задаток в пять тысяч (продавец просил минимум двадцатник) и получил за это расписку, что хозяин в течение полугода не будет никому продавать участок. За это время Егор должен выплатить остальные девяносто пять. Или отказаться от покупки – но тогда задаток остаётся у продавца.

Ночь выдалась бурной, потому что Полина и прежде не отличалась холодностью в любви, а перспектива стать землевладелицей подействовала на неё как хороший афродизиак. И на следующий день Егор с лёгким туманом в голове сел за руль и поехал в Левенёвку. У него была назначена встреча с продавцом «поместья».

Романтическая глушь не замедлила показать свои зубы. Через пять минут после того, как он съехал с выщербленного асфальта на грунтовку, в машине что-то начало стучать и брякать. А ещё через пять минут, когда на горизонте уже мелькала левенёвская водокачка, на очередном спуске машина пошла юзом и, ломая кусты, сползла в придорожную канаву.

Следующий час Егор бинтовал обширную ссадину на голове, ждал эвакуатор и одновременно пытался дозвониться продавцу, чтобы предупредить об опоздании. Эвакуатор не спешил, продавец был «временно недоступен», и Егор всё чаще поминал род людской в резких выражениях.

Но всё когда-то заканчивается, закончилось и ожидание. Егорову ласточку немецкой породы, слегка покорёженную, вытащили из канавы и увезли в сервис. А сам будущий землевладелец, сверившись с картой и найдя, что от цели его отделяет какие-то пять километров, двинулся пешком.

Остаток пути он до Левенёвки проделал без приключений. Приключения поджидали его на месте. Дом номер девятнадцать, который он собирался купить, не был похож на тот, который он видел на сайте объявлений. Вместо двухэтажного коттеджа, обшитого сайдингом, стояла изба из почерневших от древности брёвен, самую малость покосившаяся, с четырёхскатной крышей и с наличниками, украшенными затейливой резьбой. Озадаченный, Егор открыл объявление на планшете и сравнил его с увиденным. Ничего похожего. Он снова набрал продавца и услышал вежливое предложение перезвонить позже. Решив действовать наверняка, Егор решительно постучал в выходящие на улицу окна, потом отомкнул калитку, запертую на деревянную щеколду, подошёл к двери и постучал. Ответа не было. Егор растерянно топтался перед дверью, как вдруг из-за угла дома вывернула хозяйка – настоящая

деревенская бабка, с загорелым морщинистым лицом, в белом платочке, в синем платье-халате, в резиновых галошах и с тяпкой в руках.

– Вы что это тут делаете, а? – не слишком дружелюбно поинтересовалась она.

– Здравствуйте... Семёна Петровича ищу.

– Нету здесь Семён Петровича.

– А где он?

– Понятия не имею.

– Но это дом девятнадцать?

– Девятнадцать. А вам какой нужен?

– Мне этот и нужен.

– А зачем?

– Я его покупаю, – не совсем уверенно ответил Егор.

– Вот так здрасте! – удивилась хозяйка. – А я его и не продаю!

– То есть как это «не продаю»? – удивился Егор.

– А жить-то я где буду? К соседям, штоль, пойду угол снимать в сарае?

– Так. А... Семён Петрович?

– Да нет тут никакого Семён-Петровича! Издеваетесь, что ли? – Бабка начала сердиться.

– Что там у вас, тётъ Вера? – послышался голос сбоку. Возле рабицы, разделявшей два участка, стояла женщина средних лет, городского, точнее дачного вида.

– Да сама не знаю, ищут какого-то Семён Петровича, который мой дом продаёт... – ответила бабка.

– Так, секундочку! – Егор достал планшет и надцатый раз набрал номер неуловимого продавца. И чудо случилось – вместо автоматической девушки через несколько гудков ответил хорошо знакомый голос.

– Алло, Семён Петрович, приветствую, это Егор!.. – торопливо затараторил Егор.

– Какой Егор?

– Егор, который дом покупает!

– А-а, Егор! Всё, понял. Здорово. Откуда звонишь?

– Из Левенёвки! – Егор включил динамик. Бабка и дачница заинтересованно слушали.

– Понятно. И что?

– Петрович, у нас проблемы...

– У меня нет проблем, – ответил Семён Петрович.

– Я тут возле дома девятнадцать! – Егор сам не заметил, что начал орать, будто говорил с глухим. – Это совсем другой дом! И хозяйка говорит, что он не продаётся! Так что...

– От ведь дундук, от лошак! – послышалось из динамика. Донеслось ещё кое-что. Обе женщины внимали потоку брани, льющемся с планшета, и даже на улице – Егор заметил боковым зрением – кто-то остановился послушать. – Егор... как тебя по отчеству?

– Леонидович, – сухо ответил Егор.

– Леонидыч, слушай, прости по-братски, а? Это я, лошак, тебя сбил с толку! Там не девятнадцать, а двадцать девять! Слышишь? Дом двадцать девять! Я в объявлении неправильно цифру поставил, слышишь?

– Слышу, слышу, – недовольно проговорил Егор, хотя в душе испытывал изрядное облегчение, потому что тягостное недоразумение, кажется, разъяснилось. – Слушай, Петрович, я уже здесь, тебя когда ждать?

– Как же «здесь», когда ты сам говоришь, у девятнадцатого? У меня двадцать девятый!

– Так я там скоро буду.

– А-а... Тогда да, там встретимся. Давай.

«Давать тебе жена будет», – подумал, но не сказал Егор.

– Извините, Вера... как вас по батюшке?

– Васильевна, – сказала бабка.

– Ошибочка вышла, Вера Васильевна. Мне, оказывается, неправильно адрес написали. Мне к двадцать девятому.

– А-а! К Петровичу, значит? Который дом второй год продаёт? Ну, так бы сразу и сказали...

Егора неприятно царапнуло сообщение, что его контрагент «второй год дом продаёт», но он решил не заострять на этом внимание.

– ...Это вам туда, за ручей идти. Вот водокачку видите? На неё ориентируйтесь, не промахнётесь. Прямо по дороге, а там бетонный мост.

– Спасибо, Вера Васильевна, огромное спасибо!

* * *

К дому двадцать девять он пришёл нескоро. Решив вознаградить себя за все злоключения, он отыскал магазин, купил там «сникерс» и стакан чая. Не спеша закусил возле столика, наслаждаясь прохладой торгового зала – солнце уже поднялось и жарило во всю мощь. Потом так же неторопливо пошёл по улочке, посматривая на будущих соседей и их дома. Соседи производили хорошее впечатление – не пропитые маргиналы, которые не побрезгуют вломиться в дом, чтобы упереть дырявое ведро, но и не олигархи, рядом с которыми он будет чувствовать себя нищобродом. Так, нормальный «средний класс». Огородов, как он заметил, почти никто не держал – на участках, если они не были закрыты глухими заборами, виднелись подстриженные лужайки, на которых играла мелюзга и загорали их родители, у многих были устроенные цветники и кое-где росли яблони.

Задержался, глядя, как два кота устроили разборку. Один из бойцов был пушистый серый здоровяк, второй – поменьше, неопределённого окраса, жилистый и украшенный боевыми шрамами: вместо ушей – бесформенные обрывки, нос разделён на две неравные части, а левая щека начисто откушена, отчего котик производил совершенно кошмарное впечатление. В сумерках он сошёл бы за демона. Бойцы долго пыжились друг напротив друга, издавая утробное «увэувэувэу», переходящее в неприличный визг, шипели и наконец с отчаянным рёвом сцепились. Егор снимал эту эпическую битву на планшет, прикидывая, сколько тысяч просмотров он соберёт на YouTube.

Как в рассказе Джека Лондона «Кусок мяса», молодость и нерастратенная сила одержала верх над опытом – покрытый рубцами боец дал стрелача, серый погнал его, но недалеко. Егор поздравил котофея с победой и потопал дальше.

Дом двадцать девять представлял собой незабываемое зрелище. Это была обширная усадьба на краю селения – видимо, хозяин перед постройкой прикупил соседский участок. Её окружал старомодный забор из штакетника, дочерна сгнивший и покосившийся. За забором буйствовал бурьян в рост человека. Кое-где из бурьяна торчали мёртвые ветки деревьев. Посреди запустения возвышался дом. Вблизи он казался ещё больше, чем на сайте.

Егор нашёл место, где когда-то была калитка и в зарослях бурьяна угадывалась дорожка, и бесстрашно ступил на свою будущую землю.

Пустошь приняла его в свои душные объятия. В зарослях жужжали, звенели, пищали, стрекотали бесчисленные насекомые. Из глубины доносился еле различимый шорох и потрескивание – это между буйной травы и засохших кустов пробирались существа побольше. «Здесь наверняка водятся крысы, – подумал Егор. – ...И змеи», – чёрная полоска в двух шагах от него, стремительно извиваясь, ускользнула в траву.

Он отодвинул в сторону разлапистую корягу, перегородившую дорожку, и подошёл к дому.

Дом резко контрастировал с окружающей пустошью. Он стоял на крепком кирпичном фундаменте, и казалось, его достроили не далее чем на прошлой неделе. Конечно, придирчивый глаз замечал где-то облупившуюся краску или предательское ржавое пятнышко, но это были мелочи. Если он и внутри такой же, как снаружи – можно заселяться хоть завтра. А что? Привести участок в порядок – скосить бурьян, выкорчевать сушняк – на это уйдёт не больше недели, даже если заниматься этим одному. Не так страшен чёрт, как его малюют.

Егор сел на крыльцо и снова набрал продавца.

– Леонидыч, дружище, прости, тут такое, ты не представляешь!.. – слезливо зачастил Семён Петрович. – Сука моя подыхает!

– Какая сука?

– Да моя сука, собака то есть, мастино неаполитано! То есть не моя, а дочкина, но отвечать-то, если сдохнет, мне! Привёл с прогулки, а через полчаса началось – срёт и блюёт не переставая! Слушай, это энтерит, да? Или чумка?

– Не знаю, я не собачник, – ответил Егор, стараясь, чтобы собеседник не услышал раздражения.

– Вот же мать твою, на мою голову... Жена с дочкой в Анталии, возвращаются через три дня, а эта сука сдохнет... Мне башку отвернут без наркоза и обратно приделают задом наперёд, понимаешь? И ведь всё нормально было, утром сегодня жрала как слон, на прогулке скакала, как сайгак... может, она на улице какую-то гадость подобрала, а? Сейчас ведь есть эти черти, догхантеры, отраву повсюду разбрасывают... Я ветеринарную неотложку вызвал, а что сейчас делать – я хрен знает...

– То есть ты не приедешь? – уточнил Егор, хотя знал ответ заранее.

– Да ну... Леонидыч, ты что, глумишься? У меня сейчас нервы ни к чёрту из-за этой сучары! И ещё неизвестно, чем всё кончится...

– Да я понимаю. Ладно, я завтра позвоню. Пускай твоя мастино как-её-там поправляется.

Не надо было быть ясновидящим, чтобы понять – Семён Петрович просто не хочет ехать на встречу. И это неспроста. Вспомнилась нелепая ошибка в объявлении и сегодняшняя обмолвка бабки, что «Петрович свой дом второй год продаёт». А его ли это дом? Продавец показывал документы на землю, но Егор просмотрел их наискосок и теперь не был уверен, что они не поддельные. А чёрт его знает! Мало ли сейчас мошенников, которые зарабатывают не на хитро продуманных схемах, а на невнимательности людей да на собственной наглости, прикрытой напускной простоватостью!.. Сука у него обосралась, ага, аж два раза. Сука. Кого ты, сука, пытаешься обмануть – препода с десятилетним стажем? Если ты, сука, думаешь, что я побрезгую судиться за какие-то пять тысяч, ты хрен угадал, козёл суетливый! Ты мне ещё моральный ущерб оплатишь и этот дом на блюдечке поднесёшь!..

Твёрдая поверхность под ногами оказалась гнилыми досками, которые с пугающей лёгкостью проломилась, и Егор ухнул во влажную мглу, пахнущую холодной гнилью. Глаза запорошило древесной трухой, руки заплоско всплеснули, и пальцы левой – вот счастье! – вцепились во что-то твёрдое, шершавое и надёжное. «Колодец! – осенило Егора. – Старый колодец, и я в него...»

Связки в пальцах и в локте левой руки просто вопили от боли, но Егор успел нашарить опору для правой и уцепился за край – теперь он понял – бетонного кольца. Планшет выскользнул, но Егор запретил себе об этом думать. Он медленно подтягивался, вцепившись пальцами в края бетонного кольца, молясь, чтобы в прогнившей конструкции колодца ничего не сдвинулось, не треснуло и не накренилось. Тогда он полетит вниз... нет, об этом нельзя думать! Он подтянулся до подбородка. Так, делаем «офицерский выход»... ох, сто лет не делал... так, теперь вперёд и только вперёд... ф-фух!..

Егор выкатился на траву, сел, нашарил в кармане платок и стал протирать запорошённые глаза. Проморгался и, не вставая, обозрел свои будущие владения. Провал старого колодца чернел в двух шагах от него. Егор усмехнулся – вот так люди и пропадают без вести. Он посидел немного, привыкая к тому, что он жив, что не сломал позвоночник, не напоролся на старую арматуру и не утонул в жидкой грязи. Потом пошарил вокруг места своей неслучившейся гибели, надеясь на чудо. Чуда не случилось – планшет затерялся там, откуда еле выполз его владелец. Егор лёг на брюхо и некоторое время вглядывался в бездну, надеясь рассмотреть пропажу в кромешной черноте. Ничего не увидел, поднялся, отряхнулся, уселся на крыльцо своего будущего дома и стал обдумывать ситуацию.

Итак, что мы имеем? Тачка всмятку, планшет в колодце, костюм в дерьмище... ну, фигурально выражаясь, хотя смесь грязи, древесной трухи, травяной зелени и слизи со стенок старого колодца – тот ещё коктейльчик. С покупкой дома полная неясность. Что делать? Выбираться отсюда, и поскорее! А уже в городе – разбираться со всеми проблемами!

* * *

То, что он сбился с пути, стало ясно ещё до того, как стемнело окончательно.

Из города до Левенёвки можно было добраться двумя способами: на своих четырёх или на электричке. Егоровы колёса были в ремонте, а от поездки на такси он, поразмыслив, отказался. Этот день поставил клизму их семейному бюджету, так что лучше сэкономить тыщонку. Правда, до ближайшей станции – он запомнил карту – было километров десять по полевым и лесным дорогам. Но, если в паре мест срезать – получится не более семи.

И Егор отправился пешком на станцию.

Вот осталась позади Левенёвка, вот он миновал старое поле, заросшее борщевиком, поднялся на холм и с высоты его с удовольствием обозрел окрестности. Издалека Левенёвка производила совершенно пасторальное впечатление – милый и чуточку таинственный городок, населённый добрым и чудаковатым народцем. Этакий Хоббитшир. За перелеском неистово блестела изогнутая сабля реки, вливающаяся в водохранилище, которое отсюда казалось настоящим морем. Егор решил, что он непременно купит здесь дом.

Он улыбнулся и зашагал туда, где за горизонтом пролегла железная дорога.

Тем временем недлинный августовский день клонился к вечеру. Первыми это заметили комары, тучи которых атаковали одинокого путника. Егор сперва истреблял кровососов, потом закурил, надеясь отогнать их табачным дымом, потом срезал ветку и обмахивался ею, как конь хвостом.

Солнце клонилось всё ниже, уступая место луне и звёздам, а до конца пути ещё было далеко. Иван посмотрел на часы и вздохнул. Да, не рассчитал. Такими темпами он будет дома хорошо если к полуночи. Чёрт, Полинка рехнётся от беспокойства... Пока он шёл по просёлочным дорогам, мимо него иногда проезжали машины. Он пытался стопить их, но без успеха. Двое ехали в другую сторону и не собирались делать крюк к станции. Ещё один придурок на раритетном ведре с болтами вместо приветствия спросил: «Сколько дашь?»

– Давать тебе жена будет, – ответил Егор: под влиянием событий последних часов он утратил своё обычное миролюбие. Водителъ взбеленился, демонстративно перегородил своей таратайкой путь Егору и выскочил на дорогу с боевым кличем:

– Э, ты чё борзеешь?!

– Кати отсюда, цыпа, – спокойно сказал Егор, глядя в глаза крикуну. – А то найдут тебя ближе к осени, а опознать уже не смогут, – и пошёл своей дорогой, только легонько толкнув плечом «цыпу». «Цыпа» поорал в спину, потом залез в свою «антилопу-гну» и укатил.

Но чем ближе было к вечеру, тем реже попадались машины. А потом Егор свернул на полузаросшую дорожку через лес, которая, по его расчётам, сократила бы его путь на два километра. Мимо проезжал пожилой велосипедист, который уверил Егора, что если он пойдёт по этой дорожке, то «прямо к станции и выйдет».

– Только не сворачивай никуда, прямо так, по колее, и иди, понимаешь? – крикнул велосипедист, отъезжая.

Егор пошёл по колее. Он честно следовал указаниям велосипедиста и никуда не сворачивал. Пока две колеи от колёс не стали всё менее различимыми и не растворились в мелкоколесье.

– Добро пожаловать, мать вашу... – проговорил путешественник.

Собственно, выход был один – возвращаться на наезженную лесную дорогу и идти по ней до станции. Или...

...Вдалеке послышался шум поезда.

Егор замер, обратившись в слух.

Поезд шел, снижая темп, и остановился. Что-то неразборчиво прок-вакал громкоговоритель. Через полминуты, свистнув, поезд двинулся дальше.

Есть контакт! Судя по звукам, станция находилась совсем недалеко. Километра три по прямой. Егор поднял глаза к небу, заметил по звёздам направление и пошёл сквозь ночной лес.

Через полчаса он взглянул на небо, крикнул и пошёл левее. Через час он устало опустил на поваленную ель и уставился перед собой.

Заблукал. В трёх соснах. Позорище! Вот что значит – давно не ходил в настоящие походы: то со школотой, то с великовозрастными городскими приключенцами, которые воображают себя Натти Бампо и Крокодилами Данди, отойдя от железной дороги на километр...

Он огляделся по сторонам и заметил, что в одном месте деревья растут пореже. Он поспешил выйти на прогалину и удовлетворённо ух-

мыльнулся: это была дорога. Такая же заросшая колея, на которую он свернул час назад, но главное, что она вела в нужном направлении.

Вскоре лес по левую сторону дороги стал реже, в полумраке между стволов стали видны покосившиеся кресты и каменные памятники, разрушенные оградки.

Егор хмыкнул и ускорил шаг.

Он был далеко не труслив и давно уже вышел из возраста, когда не стыдно пугаться сказок про обитателей могил, выползающих ночью размять кости. Но сейчас у него за спиной был день, полный не самых весёлых сюрпризов. Сегодня он дважды чуть не погиб нелепой смертью, вымотался, как выючная лошадь, его нервы были натянуты, как струны...

...и ему было неприятно находиться здесь, посреди ночного леса возле заброшенного кладбища, которое своим видом напоминало о том, что жизнь конечна, а память потомков – увы, не вечна...

А в густках тьмы среди старых могил чудилось странное движение. Казалось, кто-то смотрит ему в спину с неживым угрюмым упорством. Егор понимал, что это – всего лишь шутки, которые играет с ним утомлённое сознание... и прибавлял шаг.

Он едва не перешёл на рысь, и единственное, что его остановило – стыд. Точнее, мысль о том, как стыдно будет вспоминать приступ своего малодушия при свете дня. Он заставил себя идти медленнее и даже оглянулся, старательно всматриваясь в тени, бегающие по могильным холмам. «Это ветер, – сказал он себе. – Просто лёгкий ветерок, который колыхает листья».

...Увидев её, выступившую из-за могучей ветлы, стоящей при дороге, он едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Но удержался. Это была обычная девушка. И она тоже остановилась, завидев его.

– Добрый вечер! – сказал Егор, стараясь, чтобы его голос звучал в меру весело и дружелюбно.

– Если добрая, то скорее уж ночь! – усмехнулась девушка.

Она повернулась к нему. Лунный свет озарил её лицо. И Егор, чувствуя, как в нём вскипает первобытный ужас, увидел пятна тления на лице незнакомки.

Мертвячка растянула чёрные губы в злорадной ухмылке, и длинные зубы блеснули под луной.

Смертельное оцепенение отпустило Егора. Дико вскрикнув, он развернулся и помчался прочь. Он бежал без дороги; ноги занесли его на лесное кладбище. С неведомо откуда взявшейся силой и ловкостью он скакал через оградки и памятники, уворачивался от летящих навстречу деревьев, подвывая, кидался прочь, когда гнилая рука, прикинувшаяся веткой, пыталась схватить его за шею. Кладбище и его обительница давно остались позади, но он мчался сквозь лес и не мог остановиться. А уж о том, чтобы обернуться, он не смел и думать. Он понимал, что, если ещё раз увидит прекрасное и ужасное лицо в нимбе светлых волос, пронизанных лунным светом, с пятнами гниения и жуткой улыбкой, то просто умрёт.

Он не помнил, сколько так бежал. Он давно сбился с направления, потому что несколько раз ему казалось, что видит впереди светлую тонкую фигурку, которая летит к нему, протягивая руки, а те удлиняются, как резиновые. Он вскрикивал и кидался прочь. После одного неудачного прыжка он услышал «хрруп!» в левой лодыжке и на следующем шаге покатился по земле, не в силах сдержать крик. Но ужас

и отвращение перед немёртвой тварью, что преследовала его, гнали его вперёд. Он поскакал дальше, подволакивая покалеченную ногу, цепляясь за стволы...

Он уже почти не соображал от боли и ужаса, как вдруг увидел между деревьями огонёк.

...Калитка была заперта. Он ухватился за столбик, а другой рукой заколотил в доски, точно убивал врага всей своей жизни.

– Кто там? Танька, ты? Чего буянишь? – послышался недовольный мужской голос.

– Помогите! Я заблудился и сломал ногу в лесу! – прорыдал Егор.

Послышалось недовольное бурчание, потом – шаги в сторону калитки, потом – звук открываемой щеколды. Для измученного путника эти звуки были лучшей музыкой на свете.

Калитка отворилась, и Егор едва не упал внутрь.

– Ты один? – спросил хозяин. Его лица Егору было не разобрать – он видел только силуэт большого грузного мужчины с распущенными по плечам длинными волосами. В правой руке хозяин держал дробовик.

– Один! – ответил Егор. – Помогите... я сломал ногу... я не могу идти!..

– Заходи, – буркнул хозяин и отступил в сторону, давая возможность гостю пройти в калитку. – Ого, да ты и впрямь себя подковал на одно копыто. – Он подхватил Егора подмышки левой рукой, и они вдвоём поковыляли к крыльцу.

Дверь на крыльце приоткрылась.

– Кто там? – спросила женщина. Она стояла в дверях, заслоня свет.

– Да парень какой-то незнакомый. Говорит, ногу сломал, – отвечал хозяин дома. – Вроде не врёт.

«Упаси тебя бог врать!» – говорил его голос.

С помощью хозяина Егор забрался на крыльцо и прошёл на веранду, где со стоном опустился на стул.

– Что случилось-то? – спросил хозяин. Это был грузный дядька, лет за пятьдесят. Длинные кудри с заметной проседью, запорожские усы и потёртый кожаный жилет поверх рубахи делали его похожим на героя приключенческого фильма, на хозяина постоянного двора на диком фронтире. Это ощущение усиливал дробовик, который мужик держал, как старинный дуэльный пистолет. Он перехватил Егоров взгляд и усмехнулся. – Да это так... для понта больше. В прошлом году какие-то пьяные уроды в дом вломились, я одного в ухо приласкал, а другой мне по башке хрясь! А третий ножом трясёт, гадёныш! Хорошо, Танька догадалась, достала ружьё и саданула в стену. Никого не задела, но этого хватило. Те сразу протрезвели, дружка своего, которого я контузил, подхватили и давай бог ноги! – Хозяин довольно хохотнул и унёс дробовик в комнату. Лязгнуло железо.

– Ну ладно тебе, отец, про подвиги свои хвастать! – недовольно заметила хозяйка – светловолосая женщина лет сорока, в джинсах и футболке. – Человек покалеченный, не видишь, что ли? Надо ему ногу посмотреть.

– Верно. Давай-ка... – Хозяин опустился на одно колено и задрал грязную штанину на покалеченной ноге гостя. Егор только что заметил, что на нём нет ботинок. – Мда-а. Вот так болит? А так?

– Ф-ф-ф... а-а-хх... болит, но... не очень...

– Ларис, принеси эластичный бинт. У нас где-то есть новый, неиспользованный.

Хозяин ловко окрутил покалеченную ногу эластичным бинтом, после чего, отдуваясь, поднялся с пола и сел на стул напротив гостя.

– Я не доктор, но на перелом непохоже. Скорее ты связки повредил. Тоже не подарок, особенно если разрыв. На ногу можешь ступить, не?

– Не знаю...

– Ладно. Переночуешь у нас, а завтра я тебе такси вызову, чтобы отвезли домой или там в больницу...

– Мне сегодня надо... – проговорил Егор, глядя в тёмное окно.

– А от сегодня осталось с гулькин хвост! – усмехнулся хозяин. – Ты на часы глянь! Без пяти одиннадцать. Извини, мил человек, я тебя сейчас не повезу, а такси, чтобы сюда среди ночи ехать, цену конскую заломит. У нас тут дорога плохая и фонарей нет, ночью ехать – самоубийство.

– А где... где мы? – спросил Егор.

– В Волчьих Выселках, – ответил хозяин, улыбаясь в усы. – Серьёзно, так называется. Три дома... один нежилой, десятый год гниёт, во втором Никоновы живут, но они приезжают только в июле да ещё на майские. А в третьем – мы. Как Робинзоны. До ближайшего жилья – пять километров, до железной дороги – три... если напрямик через лес.

– Вот-вот, – вздохнула хозяйка. – Полночь скоро, а Танька до сих пор где-то бродит...

– Ларис, Танька у Селидора в секции пашет, как проклятая, уж чего-чего, а за себя постоять умеет. Если на неё какая-то мразь рыпнется, то я одного боюсь – чтобы Танюшка не переусердствовала.

– А я, может, того же боюсь.

– А бояться не надо. Страх убивает волю и разум. Верно, парень? Оставайся, в самом деле. Куда заполночь ехать?

– Вы кстати, молодой человек. Мы как раз ужинать собираемся! – сказала хозяйка, ласково глядя на Егора.

– Ужинать? – Егор почувствовал, как в живот провалился ледяной комок. Он видел, как хозяйка ставит на плиту большую кастрюлю с водой.

С водой.

Ещё посолила и перец с лаврушкой кинула.

А мясо?

А мясо – вот оно, пришло. Приковыляло. На своих полутора ногах.

До Егора дошёл весь ужас его положения. Волчьи Выселки, да. Живут тут двуногие волчары и мяском питаются. Вон какое брюхо отъел! А он типа овца, значит... Ну уж нет!

– Я пойду! – решительно заявил Егор и поднялся. Левая лодыжка стрельнула болью, он пошатнулся, но устоял. – Спасибо... мне правда лучше.

– Эй, эй, парень, ты что? – удивился хозяин. – Куда ты?

– Домой. Я ничего про вас не скажу, правда...

– Да вы что? – удивилась в свою очередь хозяйка.

– Да. Это ваши дела. Они меня не интересуют. Мне своих проблем хватает по горло. Дядя, держись-ка подальше! – он выхватил и ловко раскрыл ножик, прикидывая, что если людоед протянет к нему лапу, он резнёт его по запястью снизу. Учили добрые люди, как это делается...

– Ты... ты что, друг, контуженный? – выдавил из себя потрясённый хозяин. – Слышь, я теперь тебя точно не отпущу!

– Ага. Контуженный! И невкусный. Так что... отойди от двери. И не вздумай дёрнуться за пукалкой своей, порежу! Найдёте другой ужин, ладно? Может, Танька кого-то принесёт...

Пока хозяин и хозяйка переваривали обрушившуюся на них информацию, скрипнула калитка, прошелестели лёгкие шаги по тропинке, и кто-то стал подниматься на крыльцо.

– Кто там ещё? – нервно окликнул хозяин.

– Это я, – донёсся из-за двери голос.

До ужаса знакомый голос.

– Что там у вас? Всё в порядке?

– Не впускай её! – завопил Егор. Хозяин Волчьих Выселков уже не казался ему таким уж страшным. С человеком, даже чокнутым каннибалом, можно договориться. С нежитью – нет. – Мужик, Христом богом молю, запри дверь и не впускай её! Только не впускай! Сама она не сможет...

– Так, блин!..

Дверь распахнулась, и на пороге встала она.

Его старая знакомая с кладбища. Любительница прогулок под луной.

Стройная девица со светлыми волосами, похожими на нимб.

С гниющим лицом.

Егор почувствовал подступающую дурноту, мир завертелся перед глазами и полетел в тар-тарары.

* * *

Мерзкий запах. Хотя если он в аду, то там так и должно пахнуть. Нет, в аду пахнет серой, а это что-то другое.

Он затряс головой.

– Ну наконец очнулся, – услышал он голос людоеда. – Убери нашатырь, пока мы все не отравились.

– Мам, пап, может, расскажете, что тут происходит?

Егор снова потрянул головой и открыл глаза. Первое, что он увидел, было лицо мертвячки. Стоп, с какой радости «мертвячки»? Нормальная живая девчонка лет семнадцати, кстати, довольно симпатичная. Но почему-то упорно поворачивается к нему левой щекой.

Вот! Она немного повернула голову, и на правой щеке стали видны тёмные язвы, похожие на удар когтистой лапой. Это они в неверном свете луны показались ему пятнами тления, а напряжённые нервы дорисовали остальное.

Девчонка поймала его пристальный взгляд.

– Что так пялишься? Влюбился в мою гнилую морду? Подожди, вот подживут, будут такие шрамы, что все парни падать будут!

– Тань, ну что ты говоришь! – зашумела на неё хозяйка, должно быть, мать. – Что Пётр Семёнович говорил? Динамика нормальная, главное, что воспаление сразу подавили...

– Лан, ма, я шучу. Как всегда, неудачно. Это у меня фамильное. От папочки.

– Ой, ну тебя, с вашими шутками ноги протянешь! Молодой человек, вас как зовут?

– Егор.

– Егор, вам лучше? Может, всё-таки отвезём вас в больницу? У вас, кажется, сотрясение.

– Или что похуже! – Пузатый хозяин строго посмотрел на гостя из-под кустистых бровей. – Вас тут бешеный волк-людоед не покусал? У нас, знаете, бегают по округе такой... ростом с телёнка, сам белый, а глазищи адским огнём горят. Кого тяпнет, тот начинает бред нести, пока всех вокруг не доведёт до икоты. Он вам не встречался?

– Встречался кое-кто... поинтереснее, – ответил Егор. В этот момент он хотел только одного – провалиться сквозь землю.

Что ж, самое умное, что сейчас можно сделать, – это всё честно рассказать.

– Простите, как вас зовут? – спросил он.

– Нас-то? – переспросил хозяин. – Меня – Игорь Михалыч, хозяйку мою – Лариса Викторовна, а дочь – Татьяна.

– Игорь Михалыч, Лариса Викторовна, Татьяна... Простите, пожалуйста, – просипел Егор. – Простите. Вы мне помогли, спасли, можно сказать, а я... Я вёл себя неадекватно. То есть как последний урод. Понимаете... такой день выдался... ужас...

– Егор, ты скажи честно: за тобой следом никто не заявится? – перебил хозяин. – Только честно. Как мужик. Чтобы мы знали, какие ещё проблемы...

– Нет-нет-нет! – Егор замотал головой. – Никакого криминала. Даже не думайте! – Он вздохнул и рассказал о своих недавних злоключениях. Правда, финал он поведал в цензурированном варианте. В его версии выходило, что он сбился с пути, повредил ногу и ковылял по лесу, пока не увидел спасительный огонёк.

– Ну, а дальше вы знаете, – завершил он.

– Бывает, – серьёзно сказал хозяин. – Со мной тоже такое бывало. День не задался – пиши пропало. Наверное, не так уж глупы были наши предки, когда говорили, что, мол, не с той ноги сегодня встал. А ещё говорят, – он усмехнулся, готовясь поведать что-то, с его точки зрения, занимательное, – нехорошо, когда начинает сказочно везти. Вот прямо всё так и идёт тебе в руки. Говорят, надо самому что-то себе испортить, а то судьба такую бяку тебе подложит, что всё везение проклянешь.

– Правда, что ли? – удивился Егор.

– Да бабьи бредни, конечно! – ещё шире ухмыльнулся хозяин.

– Наш папочка – чёртов патриархальный сексист! – ввернула Танька.

– Цыц, амазонка! А то покажу, что такое патриархат и сексизм! Ну, пускай не бабьи, но точно бредни. Хотя со мной однажды был такой случай... На свадьбе моей.

– Ой, вот так всем это интересно! – замахала руками хозяйка.

– Да ладно, забавно вышло. В общем, после конфетно-букетного периода мы с моей нынешней мадам, – он изобразил шуточный поклон, – сыграли свадьбу. Свадьба была по высшему разряду, хотя денег у нас тогда было немного... да и сейчас не очень-то разбогатели... да-а, но свадьбу закатали будь здоров. Родители, конечно, помогли, как без этого. Сняли открытую веранду в ресторане, родню, друзей зазвали, всего человек двести, Лариса Викторовна вся такая воздушная в розовом платье, я у белом кустюме – вот, захотелось выпендриться: мол, что все женихи в чёрных лапсердаках, будто на похоронах, я буду в чудесном костюме цвета сливочного мороженого. – Лариса Викторовна сидела с постным лицом, а Танька заранее подхихикивала – она, видно, знала эту историю. – Ну, сам знаешь, Егор, на свадьбе всегда дым коромыслом. И вот кому-то пришлось в дурную головёнку после особенно пафосного тоста бокалы колотить. Наколотили её на мою тогдашнюю месячную зарплату, чтоб им пусто было! Ладно, это мелочи. В общем, мы с Ларисой Викторовной стоим, целуемся под нетрезвые вопли «Гор-р-рька!», потом садимся обратно на стулья, она ничего, а я очень поспешно поднимаюсь. И еле удерживаюсь, чтобы не сказать то, что жениху

на свадьбе говорить не положено. Потому что меня что-то очень больно укололо в филейную часть. Значит, встаю и извлекаю из ягодицы вот такой осколице стекла! – Хозяин развёл указательные пальцы. – Кровь мгновенно заливает штаны. А Ванька Сидоров, свидетель мой, который, как полагается, уже на выходе из загса был ужратый в хлам, видит багровую кляксу у меня на штанах и орёт: «Что, жених, критические дни начались?»

Танька, не стесняясь, расхохоталась; её мать с деланным возмущением покачала головой:

– Вот обязательно надо было эту гадость рассказать!

– Я этому охламону в зубы дал, о чём потом пожалел. Он же пьяный, драться не мог вообще, так и завалился. Но обычай соблюли, потому что свадьба без драки – не свадьба, а детсадовский утренник. Во-от. О чём я?

– Уже забыл! – поддела его хозяйка.

– Так вот о чём: после этого скандала у нас семейная жизнь всем на зависть. Я это всем говорю и не боюсь, что кто-то сглазит. Старший сын уже в армейке отслужил, сейчас учится, и не абы где, а в Краковском университете, с какой-то польской паненкой у него роман, говорит, дело идёт к свадьбе. И у Таньки всё прекрасно...

– Особенно рожа, – добавила Танька.

– Не рожа, а прелестное личико. Заживёт, так что через месяц сама не вспомнишь.

– Угумс. Только всё лето теперь насмарку. Не купаешься и людям лишний раз на глаза не покажешься. – Она вздохнула. – Вот, – она повернулась к Егору, – поехала кататься на велике, и угораздило же меня! Комар сел на щёку, укусил и сосёт! Столовую нашёл! Мне бы его прихлопнуть, а я в этот момент вижу – из-за чужого забора свисает ветка яблони, ну, я проехала впритирку и этой веткой его согнала. Ну и... вот!

– Что «вот»? – не понял Егор.

– Ветка, которая мне по лицу хлестнула, была обработана какой-то гадостью. От вредителей. А у меня вечером щёку разнесло и глаз закрылся, а утром пузыри вздулись. Папенька повезли в город к самолучшему доктору. Неделью назад сняли повязку. Говорят, что скоро совсем заживёт и уже почти незаметно, но я всё равно предпочитаю гулять поближе к вечеру. А днём не выхожу со двора без веера. Хорошо ещё, у нас тут медвежий угол, Волчьи Выселки, – она фыркнула, – а то хожу как зомби...

– Вы как знаете, а я хочу есть, – вступила хозяйка. – Не для того вчера весь вечер над пельменям гнулись, чтобы сегодня ужинать вашими разговорами. Татьяна, ты тоже хороша. Гуляешь за полночь, хотя тебя тут вообще-то ждут ужинать! Неси пельмени с ледника! Егор, вы поужинаете с нами?

– Если можно... – ляпнул Егор и мысленно дал себе тумака. Ну, какую глупость он ещё сморозит?

– Нужно! – сказал хозяин. – Не беспокойтесь, пельмени у нас из нормального фарша, – мстительно добавил он.

– А что, были сомнения? – Танька остановилась в дверях с подносом в руках.

– Да наш случайный гость отчего-то решил, будто мы собираемся употребить на ужин его, – с удовольствием рассказал хозяин. – Наверное, поэтому хотел меня зарезать. Возвращаю нож, – хозяин протянул Егору складень. – Не сомневайтесь, любезнейший – я не людоед, и мой

отец – тоже не людоед, и даже дед, хотя ему на Кубани голодовать пришлось, клялся и божился, что их семья людоедством не грешна.

– Извините, – выговорил Егор. – Просто когда я увидел, что вы ставите на огонь пустую кастрюлю...

– ...Сделал единственно возможный вывод, – закончил хозяин. – Что хозяева собираются его сжарить.

– Просто всё в голове перемешалось!

– Да мы это заметили, – бестактно сказал хозяин.

– Ох ты! – спохватился Егор. – Мне надо домой позвонить! А то жена в розыск подаст. Я ведь шесть часов как должен был домой вернуться!..

Хозяин молча протянул ему мобильный.

Егор набрал номер домашнего телефона – номер жениного мобильного он не помнил.

– Алло! – послышался голос Полины. Судя по гнусавости, она не раз всплакнула за эти часы. У Егора у самого защипало глаза.

– Полли, девочка, это я! Я, Егор! Я не мог раньше позвонить! Почему не со своего? Да я свой потерял! ...Нет, точно, всё в порядке! ...В Волчьих Выселках! Это деревня тут такая! Да всё нормально, говорю же тебе, завтра приеду! Что? Позвони и скажи, что я нашёлся! Завтра расскажу! ...Блин, ну машину разбил, ногу подвернул, телефон потерял! Да, вот так совпало! Я бы сам не поверил! ...Только не плачь больше, ладно? Всё же хорошо, да? Всё в порядке. Всё, девочка моя, спи спокойно!

– Мобильники нас испортили, – рассуждал хозяин, когда они приступили к трапезе. – Мы привыкли, что все постоянно на связи. Если пять минут не можешь до человека дозвониться – уже психуешь...

– И когда это я психовала? – поинтересовалась хозяйка.

– Я не про тебя, я про себя, – невозмутимо ответил хозяин. – Если я долго не могу дозвониться до тебя или до Таньки, начинаю дёргаться. Хотя рассудок подсказывает тысячу логичных объяснений. Нет покрытия, телефон разрядился... да мало ли причин! Нет, начинаешь выдумывать себе всякие ужасы. Эти куски пластика превратят нас всех в психопатов.

– Угумс, – кивнула Танька. – Психопатов развелось как собак нерезанных. Если бы вы знали, какая дикая история со мной случилась...

– Что ещё? – нахмурился отец.

– Да вот сегодня, иду себе по лесной дорожке, никого не трогаю. Возле старого кладбища подходит какой-то тип. Здравствуйте, говорит, девушка, добрый вечер. Я только рот открыла, как он завизжал как резаный и ускакал на кладбище. Не удивлюсь, – нервно хихикнула девушка, – если он оттуда и выполз. Из могилки.

– А ты больше гуляй по ночам, особенно возле кладбища, – посоветовала мать. – Тань, это всё-таки небезопасно. Ну мало ли на свете психопатов, действительно?..

– Мам, мне нечего бояться, психопаты сами от меня разбегаются, – задумчиво ответила дочь и как-то очень внимательно присмотрелась к Егору. Тот старательно смотрел в тарелку. – Егор! – окликнула она.

– Что? – встрепенулся он.

– Ничего. – Она уткнулась в тарелку, но в глазах притаились весёлые искорки.

Хозяин поднял голову, посмотрел на Егора и усмехнулся.

– Ну вот и ладно, – сказала хозяйка, когда они закончили ужин. – Уже полночь скоро, пора спать. Егор, мы вас на втором этаже устроим.

Уж извините, что вам с больной ногой придётся карабкаться, но у нас только одна гостевая комната, в остальных мы сами спим. Есть ещё одна на первом этаже, но там разбираться полдня...

– Ничего, вы и так меня спасли. Не знаю, как вас благодарить.

– Если что, туалет в доме, выходите с веранды и прямо по коридору, а там налево.

– Спасибо.

Егор забрался на второй этаж, ещё раз выслушал извинения хозяйки за то, что ему приходится терпеть такие неудобства, а когда она вышла, разделся и рухнул на постель. Через пять минут он провалился в сон без сновидений.

Он спал и не видел, как на двор выскользнули три гибких тени. Две необычайно крупных белых волчицы и волк – настоящий гигант, ростом с телёнка. Такому не надо пускать в ход клыки – он зашибёт человека ударом когтистой лапы. Одна волчица задрала любопытную морду на окно мансарды, где спал Егор, и на правой стороне морды в лунном свете у неё стали видны заживающие шрамы. Вожак коротко и строго рыкнул, волчица отвернулась от окна. Гость неприкосновенен – это она знала с малолетства. Вот если бы он попался ей в лесу – другое дело.

Вожак издал короткое урчание, разбежался и перемахнул через забор. Волчицы последовали за ним.